

DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.113-121
УДК 903.22

Л.А. Бобров¹, С.П. Орленко²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: spsml@mail.ru

²Музеи Московского Кремля
Кремль, Москва, 103132, Россия

E-mail: orlen@yandex.ru

Монгольский шлем конца XVI – первой трети XVII века из собрания Оружейной палаты Московского Кремля

В статье впервые проанализирован богато оформленный железный шлем, хранящийся в фондах Музеев Московского Кремля (инв. № ОР-2058). Установлено, что он происходит из числа подарков, отправленных хотогойским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо русскому царю Михаилу Федоровичу Романову 14.01.1635 г. Не позднее 29.11.1636 г. шлем поступил в сокровищницу Казенного двора, откуда 02.11.1640 г. был передан в Оружейную палату. В комплект с наголовьем входила трехчастная пластинчато-нашивная бармица, крытая цветным бархатом и шелком, матерчатый подшлемник, а также желтые атласные ленты, завязывавшиеся под подбородком воина (все органические элементы были утеряны в первой половине XVIII в.). Подвершие и козырек шлема покрыты надписями на санскрите, которые представляют собой мантру Львиноголовой дакини. Мантра должна была защитить носителя шлема от магического воздействия и оружия противника. Технологическая экспертиза показала, что знаки на подвершии были позолочены, а на козырьке покрыты серебрением. Первоначально шлем был атрибутирован сотрудниками Оружейной палаты как «шапка манджурская». На основании типологического анализа установлено, что он изготовлен центрально-азиатскими (монгольскими или ойратскими) мастерами в конце XVI – первой трети XVII в. Рассматриваемый шлем может выступать эталонным образцом при датировке и атрибуции боевых и парадных наголовий кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени из числа случайных находок и старых оружейных коллекций.

Ключевые слова: Оружейная палата Московского Кремля, монголы, хотогойты, ойраты, защитное вооружение, шлемы.

L.A. Bobrov¹ and S.P. Orlenko²

¹Novosibirsk State University,
Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: spsml@mail.ru

²Moscow Kremlin Museums,
Kremlin, Moscow, 103132, Russia
E-mail: orlen@yandex.ru

A Late 16th to Early 17th Century Mongolian Ceremonial Helmet from the Moscow Kremlin Armoury

We describe a richly decorated iron helmet owned by the Moscow Kremlin Armoury. The specimen has never been analyzed in detail before. As we found out, it was one of the gifts sent by the Khotogoid Lama Erdene Dajan mergen Lanja to the Russian Tsar Mikhail Fyodorovich Romanov on 14 January, 1635. The helmet had been handed over to the State Treasury no later than 29 November, 1636, and later transferred to the Armoury. Apart from the helmet proper, the headgear in its initial condition includes a tripartite aventail made of narrow iron plates and decorated with colored velvet and silk, a cloth liner, and yellow satin ribbons, which were tied under the warrior's chin. All the organic parts have been missing since the early 1700s. The dome of the helmet has a patterned applied strip and a visor with the Simhamukha Mantra written in Sanskrit and meant to protect the warrior from adverse charms and weapons. The technological analysis suggests that letters on the band were gilt, and those on the visor, silvered.

Initially, the Armoury experts identified the helmet as a "Manchu hat". The typological analysis suggests that the headgear was made by Central Asian (Mongolian or Oirat) artisans in the late 16th or early 17th century. The specimen may be used as a standard for dating and attributing randomly found and unattributed battle and ceremonial headgears worn by late medieval and early modern Central Asian nomads.

Keywords: Moscow Kremlin, Armoury, Mongols, Khotogoids, Oirats, protective weapons, helmets.

Введение

На протяжении последних десятилетий в научном сообществе России, стран ближнего и дальнего зарубежья наблюдается устойчивый рост интереса к вооружению, военной истории и военному искусству кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени. Специальные исследования показали, что военное дело номадов на протяжении данного исторического периода не деградировало, а, напротив, активно развивалось, приспосабливаясь к новым военно-политическим условиям эпохи «пороховой революции». При этом монгольские и тюркские кочевники XVI–XIX вв. не только осваивали новые для них виды вооружения (ружья, пушки), но и настойчиво совершенствовали традиционное оружие дистанционного и ближнего боя, а также защитный панцирный комплекс [Бобров, Борисенко, Худяков, 2010, с. 30–287; Бобров, Худяков, 2008, с. 75–681].

Характерной особенностью источниковой базы по доспеху позднесредневековых кочевников является то, что большинство предметов защитного вооружения происходит не из закрытых археологических памятников, а из числа случайных находок, старых арсеналов, частных собраний и т.д.* Это в известной степени затрудняет датировку и атрибуцию панцирей, шлемов, наручей, щитов монгольских и тюркских номадов XVI–XIX вв. В данной связи особую ценность представляют предметы защитного вооружения, место и время изготовления которых может быть достоверно определено на основании материалов письменных источников и типологического анализа. Эти предметы служат своеобразным эталоном при датировке и атрибуции панцирных элементов из числа случайных находок и старых оружейных коллекций. Публикация таких, ранее неизвестных широкому кругу специалистов и любителей военной истории профильных вещественных материалов позволяет уточнить многие вопросы, связанные с особенностями эволю-

ции военного дела номадов XVI–XIX вв. Особый интерес вызывают еще не введенные в научный оборот предметы вооружения центрально-азиатских народов Великой Степи, хранящиеся в музейных и частных собраниях Российской Федерации.

В фондах Музеев Московского Кремля хранится богато украшенный железный шлем (инв. № ОР-2058), который в силу различных причин долгое время не привлекал к себе должного внимания российских и советских ученых. Единственное его цветное изображение (в трех проекциях) было выполнено в первой половине XIX в. академиком исторической живописи Ф.Г. Солнцевым для издания «Древности Российского государства». Кроме того, черно-белая фотография шлема анфас была опубликована в третьей части книги «Опись Московской Оружейной палаты» в 1884 г. [Опись..., 1884, табл. 342, рис. 1]. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот этого шлема, представляющего значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и военных историков, описание его конструкции и оформления, а также датировка и атрибуция.

Обстоятельства и время поступления шлема в Оружейную палату Московского Кремля

Установить, каким образом и когда шлем поступил в царскую казну, представляется возможным на основании анализа русской служебной документации первой половины XVII в. Впервые он упоминается в статейном списке посольства томского сына боярского Я.Е. Тухачевского к хотогойтскому хунтайджи Омбо Эрдэни (03.06.1634–12.05.1635) [Материалы..., 1959, с. 203–214].

Держава хотогойтов была основана в конце XVI в. известным монгольским военачальником Шолой Убаши (1567–1627), принявшим титул «хунтайджи» («великий князь»). В период расцвета своего государства хотогойтские правители контролировали Северо-Западную Монголию и значительную часть Южной Сибири, вели продолжительные (часто успешные) войны со своими ойратскими и халхаскими соседями. Шолой Убаши стал первым монгольским правителем, с которым Русское государство установило прямые дипломатические контакты (1616 г.). Отмечая его военно-политическое могущество, российские

*Отказ от традиционного погребального обряда, при котором в могилу вместе с умершим клали принадлежавшие ему предметы вооружения, был обусловлен распространением среди кочевников верований, прямо или косвенно запрещающих помещение в погребение предметов материальной культуры, не связанных непосредственно с соответствующим религиозным культом [Бобров, Худяков, 2008, с. 44, 45].

дипломаты (вслед за ойратами и енисейскими кыргызами) стали именовать хотогойтского хунтайджи Алтын-ханом («Золотой хан»). Этот почетный титул распространился и на потомков Шолой Убаши [Шастина, 1949, с. 385].

В начале XVII в. российские посланники регулярно посещали государство Алтын-ханов. В 1616 г. в ставку хунтайджи приезжал Василий Тюменец, в 1631 г. – Казый Карякин, в 1634–1635 гг. – Яков Тухачевский, Дружина Агарков и Лука Васильев, в 1636–1637 гг. – Степан Греченин и Бажен Карташев, в 1638 г. – Василий Старков и Степан Неверов. В ходе переговоров обсуждались вопросы политического, экономического и военного сотрудничества Российского государства и державы хотогойтов. При этом цели договаривавшихся сторон различались весьма существенно. Московское правительство рассчитывало на то, что Алтын-ханы примут российское подданство и дадут соответствующую шерть (клятву). Хотогойтские хунтайджи воспринимали русских лишь как военных союзников, которых можно использовать в борьбе со своими политическими противниками в Центральной Азии. Недопонимание и взаимные претензии привели к тому, что переговоры в 1638 г. зашли в тупик и были прерваны на 19 лет [Там же, с. 384–387].

Важным элементом дипломатического этикета XVII в. являлся обмен подарками, в состав которых нередко включались предметы вооружения. Очередная партия таких подарков (московские дипломаты традиционно определяли их как «дань») была передана российским посланникам 14 января 1635 г.* В этот раз хотогойтский хунтайджи Омбо Эрдэни (сын Шолой Убаши) и его духовный наставник лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо принесли в дар царю Михаилу Федоровичу Романову предметы защитного вооружения, в числе которых был и интересующий нас шлем: «Генваря в 14 день Алтын-царь отпустил Якова и Дружину и сына боярсково и служивых людей. И дань с себя Алтын-царь государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси дал куяк меденой с нагрудником серебряным в серебре, камень яшма, да барс, да двисти соболей, да 10 бобров... Да отец духовной царя Алтына Таи Мергенланзу послал дани с себя государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси куяк и шапку железную, набиван на бархате надцветном на зеленом (курсив наш. – Авт.), да наручи куяшные, да ирбиз, да 100 соболей» [Материалы..., 1959, с. 212–214]. В сообщении из описи оружейной казны царя Михаила Федоровича (1642–1643) уточняется: «Шелом булатной с наводом слова арапские. Прислан ис Тунгуские земли с куяком что по цветному

бархату. Цена 5 р. А по осмотру на том шеломе верх подвершие слова арпские посеребренные позолочены. Городок и над верьем по железу опаивано серебром. А на полке слова арапские ж серебряные белые. Уши и затылок набиты железом по бархату цветному». Наряду с наручами в комплект со шлемом входил пластинчато-нашивной доспех – «куяк с рукавы, у нево ж пять щитов с пугвицы на петлех. Куяк и щиты прикрыты бархатом плохим цветным, травы розных цветов. Прислал к государю дани лаба во 144 (1636) году. Цена по тридцать рублей куяк» [Опись..., 2014, с. 104, 105].

Дальнейшую судьбу шлема можно проследить по приходно-расходной книге Казенного приказа. В записи от 2 ноября 149 г. (1640 г.) указано, что в этот день в числе прочих предметов с Казенного двора в Оружейный приказ для хранения был передан «шелом булатный, на шелому надо лбом слова мусулманские серебряные, Государю прислал тот шелом дани Тунгусские земли Лоба Ирдены даин-Мен Герланзу во 144 (1636) году в 29 день ноября, цена пять рублей» [Опись..., 1884, с. 35]. Таким образом, анализ дипломатической документации по истории русско-монгольских отношений первой половины XVII в. позволяет установить, что шлем был отправлен в качестве подарка царю Михаилу Федоровичу влиятельным хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо 14 января 1635 г., а почти два года спустя (29 ноября 1636 г.) поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, откуда 2 ноября 1640 г. был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

Первое подробное описание шлема было выполнено авторами описи казны царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича: «Шелом наверху наперед резаны слова, зад и стороны доски (т.е. пластины назатыльника и наушников бармицы. – Авт.) покрыты бархатом цветным, травы шолк червчат, да зелен, да желт, цена пять рублей. Прислал Государю дани Лаба в 144 (1636) году» [Опись..., 1884, с. 35; Опись..., 2014, с. 105]. В описи Оружейной палаты 1643 г. шлем значится под № 5. В описи 1687 г. он отнесен к «шапкам немецким и калмыцким», где указан под № 3: «Шапка железная Колмыцкая гладкая, здолы, наверху трубочка, прислана воружейной приказ сказенного двора, цена двадцать пять алтын, завяски отглас жолтый... А по нонешней переписи 195 году и по осмотру та шапка против прежних переписных книг сошлась; уши и затылок куяшные покрыты бархатом цветным, поверх шапки подтрубною и на полки слова калмыцкие. А по нынешней оценке полтора рубли» [Опись..., 1884, с. 35].

Материалы описей 1701 и 1711 гг. свидетельствуют о том, что в этот период шлем еще имел бармицу, однако уже в документах 1727 г. указано: «...у шапки подкладки нет, а по нынешнему осмотру нет ушей»

*Все даты по старому стилю.

[Там же]. Наибольшие повреждения шлем получил при пожаре 1737 г. В описи 1746 г., в которой он числится в категории «шапок ерихонских» под № 15, есть пометка – «погорела» [Там же]. Вероятно, именно в результате пожара наголовье окончательно утратило пластинчато-нашивную бармицу и другие органические элементы. В 1812 г. шлем в числе прочих предметов был взят президентом Императорской академии художеств, действительным тайным советником и известным исследователем А.Н. Олениным «для сообщений». В музейное собрание он был возвращен только 18 июня 1843 г. [Там же, с. 36].

Составители «Описи Московской Оружейной палаты» 1884 г. систематизировали документы прошлых лет и предложили свою атрибуцию шлема. Они определили наголовье как «шапку манджурскую» и дали краткое описание: «Булатная досчатая, над лбом выпуклые серебряные слова; полка коробчатая; на верху трубочка железная, точеная» [Там же, с. 35]. В настоящее время представляется возможным уточнить атрибуцию данного шлема.

Описание конструкции и оформления шлема

По материалу шлем относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепаных, по форме купола – к типу цилиндроконических (рис. 1). Общая высота наголовья 22,3 см, лобно-затылочный диаметр 20,5, височный – 20,8 см. Масса шлема 1,2 кг.

Тулья склепана из четырех пластин-секторов. Их стыки прикрыты широкими (вверху 1,8, внизу 7,5 см) железными накладками с вырезным краем и рельефной лицевой поверхностью. Каждая из них имеет две пары симметричных зубцов, куда вбиты заклепки, соединяющие накладки с пластинами тульи. Ярко выраженное горизонтальное ребро жесткости пересекает купол шлема и придает наголовью характерный цилиндроконический силуэт. Верхние части пластин тульи и накладок покрыты слабовыраженным рельефным узором, выполненным в технике чеканки по металлу. Узор (ширина ок. 8,0 см) представляет собой ряд повторяющихся Y-образных символов (рис. 1). Сотрудники Оружейной палаты XIX в. называли подобный орнамент «путиками, соединенными между собою городками» [Опись..., 1884, с. 37]. В современной оружейведческой литературе он именуется «двупалым лапчатым» [Бобров, Худяков, 2008, с. 437].

Дополнительным фиксатором пластин тульи является обруч, представляющий собой железную ленту с ровным краем (ширина 3,5 см), концы которой соединены на затылке наголовья (рис. 1, 2). Вдоль верхнего края обруча вбиты восемь заклепок с полусфери-

ческими шляпками (диаметр 0,35 см), скрепляющие его с пластинами тульи и накладками. Вдоль нижнего края пробиты 12 сквозных отверстий для крепления бармицы.

К лицевой части шлема приклепан «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пятиугольной «полки» (длина 14,5 см) и вертикального «щитка» (ширина 1,0–1,7 см). Он прикреплен к тулье с помощью трех заклепок, вбитых в крепежную пластину на внутренней стороне купола шлема. Края «полки» и «щитка» снабжены выпуклым бортиком (рис. 1, а–в). Поверхность козырька покрыта рельефными надписями на санскрите (см. ниже), выполненными в технике оброчной резьбы (выпуклость элементов достигается за счет выборки резцом фоновое металла). Первоначально знаки были посеребрены, однако позднее (возможно, при пожаре 1737 г.) серебрение было в основном утрачено.

Венчает шлем навершие, состоящее из основания (подвершия) и трубки-втулки для плюмажа. Подвершие имеет форму короткого цилиндрического наперстка с выпуклым бортиком по нижнему краю (высота 2,2 см, верхний диаметр 4,3, нижний – 5,1 см). Боковые стороны покрыты рельефными позолоченными надписями на санскрите (см. ниже). Верхняя часть подвершия украшена выпуклыми изображениями восьми трехлепестковых бутонов, покрытыми позолотой. Между ними вбиты заклепки, фиксирующие навершие на пластинах тульи. Втулка для плюмажа представляет собой полую трубку (высота 7,3 см, диаметр 1,2 см) с тремя шайбовидными насадками в нижней, центральной и верхней части (диаметр 1,7 см, высота 2,0; 1,7 и 1,8 см соответственно). Насадки пятигранные, сужаются к середине.

Использование в декоре шлема золочения и серебрения было подтверждено экспертом по драгоценным металлам и камням Музеев Московского Кремля Н.В. Парменовой. Экспертиза проводилась на рентгенофлуоресцентном энергодисперсионном анализаторе «Призма-М (Au)». Следует отметить, что использовалось золото невысокой пробы с большим содержанием серебра. Так, на подвершии концентрация золота составляет 53,46 %, серебра – 27,99 %. Содержание серебра на козырьке 78,90 %.

Значительный интерес представляют надписи на санскрите, помещенные на козырьке и подвершии шлема (рис. 2). Они были переведены и проанализированы научным сотрудником отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН В.П. Зайцевым. Установлено, что все три надписи (одна на подвершии, две на козырьке) выполнены письмом «ланья» («ранджана»). Каждая состоит из 17 знаков и читается слева направо. Надпись на вертикальном «щитке» козырька разделена на четыре части по три, шесть, пять и три знака соответственно.

Рис. 1. Шлем из Оружейной палаты Московского Кремля (инв. № ОР-2058).
а – вид спереди; б – слева; в – справа; з – сзади.

Рис. 2. Прорисовка надписи на подвешии шлема (рисунок В.П. Зайцева).

Стиль письма на подвершии незначительно отличается от графики знаков на козырьке. Все три надписи практически идентичны и передают один и тот же текст. При этом в надписи на козырьке содержится ошибка. Транслитерация текста на подвершии:

«// a ka sa ma ra ca śa ta ra sa ma ra ya pha da :».

На козырьке вместо первого слога «а» (𑖠) ошибочно написан слог «о» (𑖡):

«// o ka sa ma ra ca śa ta ra sa ma ra ya pha da :».

Орфография надписей на шлеме позволяет предположить, что данный текст был «переведен» (переписан письмом «ланьча») с тибетской версии:

«a ka sa ma ra tsa sha da ra sa ma ra ya phaT :».

Текст представляет собой мантру Львиноголовой или Львиноликой дакини (Симхамукхи). Мантра выполняла защитную функцию, применялась для «отвращения убийства» и «отвращения врагов», помогала отражать вражеское магическое влияние, предохраняла от оружия противника. Согласно традиции, даже простое ее ношение на теле оказывало защитное действие. Несмотря на подобные характеристики, данная мантра крайне редко встречается на боевых наголовьях народов Центральной и Восточной Азии. В настоящее время шлем из собрания Оружейной палаты Московского Кремля является единственным наголовьем серии, украшенным подобными надписями.

Органические элементы шлема были утеряны еще в первой половине XVIII в. (см. выше), однако благодаря описям 1640, 1687, 1727 гг. представляется возможным уточнить некоторые особенности их покроя и оформления. Так, в частности, известно, что первоначально наголовье было снабжено бармицей, состоявшей из трех элементов – пары наушников («стороны», «уши») и назатыльника («зад», «затылок»). Бармица имела пластинчато-нашивную («куяшную») структуру бронирования. Железные пластины («доски») приклепывались к внутренней стороне органической основы так, что снаружи были видны лишь головки заклепок. Бармица была покрыта специальным чехлом из шелка и парчи зеленого, желтого и красного цвета, украшенным вышитым растительным орнаментом (в описи казны царя Михаила Федоровича и царевича Алексея Михайловича назван «травями»). К внутренней стороне купола крепился матерчатый подшлемник («подкладка»). Шлем дополнительно фиксировался на голове с помощью специальных завязок из желтого атласа, которые в боевом положении затягивались под подбородком воина [Опись..., 1884, с. 35].

Обсуждение результатов

Железные клепаные шлемы из четырех пластин-секторов и четырех широких накладок с двумя парами

зубцов являются характерной разновидностью боевых наголовий воинов Центральной Азии и Южной Сибири периода позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Худяков, 2008, с. 425, рис. 153, с. 434, рис. 165, 1; 167, 1–3; с. 439, рис. 171; Бобров, Мясников, 2009, с. 236, рис. 1, с. 237, рис. 2, с. 238, рис. 3, с. 240, рис. 4; LaRocca, 2006, p. 69, 87]. Вместе с тем необходимо отметить, что подавляющее большинство монгольских, ойратских, тибетских, бутанских, бурятских шлемов данной серии имеют сфероконическую или полусферическую форму. Клепаные цилиндрические наголовья в целом не характерны для комплекса защитного вооружения кочевников региона. Зато они типичны для маньчжурской (и шире – хоу-цзиньской, цинской) паноплии XVII–XIX вв. Вероятно, именно этот факт позволил сотрудникам Оружейной палаты XIX в. определить рассматриваемый шлем как «шапку маньчжурскую» [Опись..., 1884, с. 35].

Подобная атрибуция представляется нам ошибочной. За исключением силуэта тульи, шлем имеет мало общего с унифицированными маньчжурскими цилиндрическими наголовьями «чжоу». Тулья последних традиционно клепалась не из четырех – восьми железных секторов, а лишь из двух больших изогнутых пластин, снабженных горизонтальным ребром жесткости [Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 11–13, 15, 16, 18]. Цинские накладки («лянь»), прикрывающие стыки пластин, были выпуклыми, зауженными, с ровным, а не зубчатым краем [Там же]. В тех редких случаях, когда они снабжались зубцами, последние имели форму трехлепесткового бутона [Там же, табл. 16, рис. 11]. Практически обязательным элементом маньчжурских «чжоу» была массивная налобная пластина «хуэ» с надбровными вырезами, которая отсутствует на рассматриваемом шлеме.

Широкий железный обруч, склепанный на затылке, типичен для монгольских, ойратских и южно-сибирских наголовий XVI–XVIII вв., в то время как на цинских шлемах он встречается крайне редко [Бобров, Худяков, 2008, с. 425, рис. 153, с. 427, рис. 155, с. 428, рис. 156, 157, с. 429, рис. 158, 159, с. 430, рис. 160, с. 431, рис. 162, с. 435, рис. 168, с. 436, рис. 169, с. 438, рис. 170, с. 440, рис. 173, с. 441, рис. 174, с. 443, рис. 175, с. 444, рис. 176, с. 445, рис. 177]. Если к маньчжурским шлемам пластинчато-нашивная бармица крепилась с помощью массивных заклепок с полусферическими шляпками (которые сохраняются в большинстве случаев даже после утери самой бармицы), то на рассматриваемом наголовье отверстия на обруче пусты, что позволяет предположить ее крепление к кожаному ремешку, протянутому сквозь эти отверстия. Подобная система подвеса бармицы достаточно часто фиксируется

на монгольских, ойратских, южно-сибирских, тибетских и бутанских наголовьях XVI–XIX вв. [Бобров, Худяков, 2008, с. 420, 440, рис. 173, с. 441, 449, 460, рис. 190, 2, 3, с. 467].

«Коробчатые» козырьки, состоящие из горизонтальной пятиугольной «полки» и вертикального «щитка», являются классической разновидностью защиты лица на центрально- и восточно-азиатских шлемах XV–XIX вв. [Там же, с. 418, 421, 426, 432, рис. 167; с. 440, рис. 173, с. 441, 443, 444, 446, 447, 450–452]. Уникальность рассматриваемого образца заключается в особенностях его декоративного оформления. В настоящее время нам известно о 59 ойратских, монгольских и цинских шлемах, украшенных буддийской символикой. На 45 из них фиксируются надписи религиозного содержания. Однако во всех известных случаях они нанесены на тулью или (в редких случаях) обрuch. Шлем из собрания Музеев Московского Кремля – единственный образец серии, на котором надписи покрывают «полку» и «щиток» козырька. Значительным своеобразием отличается также техника их нанесения.

Подвершие шлема, выполненное в виде короткого цилиндрического наперстка с выпуклым бортиком по нижнему краю, не имеет точных аналогов среди известных нам наголовий Центральной и континентальной Восточной Азии. По своей конструкции и силуэту оно занимает промежуточное положение между почти плоскими подвершиями ойратских сфероцилиндрических шлемов и подвершиями в виде высокого суженого по центру цилиндра их минских, цинских и корейских аналогов [Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 12, 13, 15, 16, 18, 19; Бобров, Худяков, 2008, с. 440, рис. 173, с. 441, рис. 174, с. 444, рис. 176; LaRocca, 2006, p. 65, 86]. Ближе всех к рассматриваемому экземпляру наперстковидные подвершия центрально-азиатских (ойратских?) шлемов с территории Поволжья, Казахстана и Монголии (сфероцилиндрический шлем № 1233 из собрания Государственного Эрмитажа) [Бобров, Худяков, 2008, с. 432, рис. 163], однако их силуэт и декоративное оформление существенно отличаются. Трубка-втулка наголовья, снабженная тремя гранеными насадками, относится к числу редких разновидностей центрально-азиатских плюмажных втулок XV–XVIII вв. Она встречается на некоторых монгольских и ойратских шлемах данного периода [LaRocca, 2006, p. 73; Бобров, Худяков, 2008, с. 418, 444].

Чеканный узор, напоминающий следы двупалых птичьих лап, совершенно нетипичен для маньчжурских наголовий, зато встречается на ойратских шлемах XVII в. [Бобров, Худяков, 2008, с. 429, 438; LaRocca, 2006, p. 87]. Также необходимо подчеркнуть, что дальневосточные «чжоу» XVII–XIX вв. имеют принципиальные отличия в декоративном оформле-

нии от рассматриваемого наголовья [Бобров, Худяков, 2003, с. 197, табл. 16, рис. 11–13, 15, 16, 18].

В первой половине XVII в. пластинчато-нашивными бармицами снабжались как центрально-, так и восточно-азиатские шлемы. При этом расцветка маньчжурских бармиц была строго унифицирована и регламентирована. Так, в частности, желтыми дополнялись наголовья панцирников элитных корпусов «Желтого знамени» и «Желтого знамени с каймой». Однако, согласно имперскому регламенту, в комбинации с желтой материей использовалась ткань не зеленого (как на рассматриваемом шлеме), а красного (окантовка) и синего (подкладка) цвета. Что касается ойратских пластинчато-нашивных доспехов, то в их оформлении желто-зеленая гамма, напротив, встречается достаточно часто. Так, например, в собрании ТГИАМЗ хранится трехчастная бармица, крытая зеленой тканью, в МАЭС ТГУ – джунгарский панцирный «халат» с желтым матерчатым покрытием и зеленой окантовкой и т.д. [Бобров, Худяков, 2008, с. 448, 449, 466–468; Бобров, Ожередов, 2010, с. 25]. Таким образом, цветовое решение бармицы шлема из собрания Музеев Московского Кремля также сближает его с наголовьями монголоязычных кочевников Евразии рассматриваемого периода.

Сочетание центрально-азиатских технологий, конструктивных и оформительских решений с цилиндроконической тульей позволяет предположить, что мастер, изготовивший шлем, работал в рамках центрально-азиатской военно-культурной традиции, но был знаком с изделиями маньчжурских оружейников. Если он проживал на территории Монголии, то шлем мог быть изготовлен не ранее конца XVI в. Если наголовье было выполнено ойратскими мастерами, то, наиболее вероятно, в 10-х – первой половине 30-х гг. XVII в. В обоих случаях нижняя граница периода, когда мог быть изготовлен шлем, украшенный буддийской символикой, надежно определяется временем распространения ламаизма среди монголов и ойратов соответственно [Златкин, 1983, с. 98–103]. В связи с этим значительный интерес представляет личность дарителя шлема.

Эрдэни Дай мэргэн Нансо-лама* входил в состав высшей элиты северомонгольской державы Алтынханов. Он являлся наиболее известным и уважаемым представителем ламаистской церкви в государстве хотогойтов и выполнял функции духовного наставника хунтайджи Омбо Эрдэни и его ближайших родственников. Российские посланники публично именовали

*В русских источниках первой половины XVII в. духовный наставник хотогойтского хунтайджи именуется тангутским (т.е. тибетским) лабой Ирдены Дайн Мерген-ланзу, Даин Мерген-ланзу, Таи Мерген-ланзу, Ирдены Даин-мен Герланзу и т.д.

ли ламу «учителем Мугальской земли, отцом духовным Алтын-царя и матери ево Чечен-царицы, братьев ево», «отцом духовным всех мугальских ноянов и табунов Тангутцкой земли» и т.д. [Материалы..., 1959, с. 207–214; Описание..., 2014, с. 104, 105]. Высокопоставленный лама проживал во владениях Алтын-ханов «по найму, на год емлет по сту баранов, служит ему по их вере, а по руски вместо попа» [Шастина, 1949, с. 387].

Эрдэни Дай мэргэн Нансо активно участвовал в политической жизни государства Алтын-ханов, принимал послов, вел дипломатические переговоры и т.д. Кроме того, он часто путешествовал по региону. По его собственным словам лама «бывал... в Китайской и в Тангутцкой земли (т.е. в Тибете. – Авт.) и в Черных Калмаках (т.е. в Ойратии. – Авт.) и в-ыных во многих землях» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 109–111; Описание..., 2014, с. 104, 105]. Не меньшее внимание Эрдэни Дай мэргэн Нансо уделял и поездкам по самой Монголии. Не исключено, что во время одного из этих путешествий ламе и преподнесли интересующий нас шлем. Подобная практика подношения предметов вооружения духовным лицам была широко распространена среди центрально-азиатской знати рассматриваемого исторического периода [Бобров, Худяков, 2008, с. 48].

В середине 30-х гг. XVII в. Эрдэни Дай мэргэн Нансо, помимо прочих богатств, владел воинским арсеналом, включавшим элитные предметы вооружения иностранного и местного производства. Так, например, ламе принадлежал богато оформленный позднехунтайджийский (маньчжурский) шлем, который он подарил царю Михаилу Федоровичу в 1637 г. [Описание..., 1884, с. 19, 39; Описание..., 2014, с. 105]. Однако, как следует из описаний доспехов, основу оружейной коллекции духовного наставника Алтын-ханов составляли изделия центрально-азиатских, и в первую очередь монгольских, мастеров [Описание..., 1884, с. 39; Описание..., 2014, с. 104, 105].

В XVII в. в Монголии бурно развивалось собственное производство доспехов. Согласно сообщениям послов Дайши-зайсана, «железной де руды у них множество и делают куяки и пансыри и копыя сами» [Бобров, Худяков, 2008, с. 353]. Кроме того, некоторое количество доспехов поступало к хотогойтам в качестве дани от народов Южной Сибири [Там же, с. 348]. Благодаря целенаправленной политике по развитию оружейного производства Алтын-ханам, а также их халхаским и ойратским соседям удалось сформировать значительные по численности контингенты панцирной («куяшной») конницы. В русских документах XVII в. упоминаются отряды центрально-азиатских кочевников из 400, 2 000, 4 000 «куяшников» [Там же, с. 360, 361]. Главной ударной силой армии хотогойтских Алтын-ханов

в середине 30-х гг. XVII в. были именно такие кавалерийские панцирные подразделения, обученные ведению ближнего боя с применением длиннодревкового и клинкового оружия: «А бой у мугальских алтыновых людей – луки, копыя, сабли, а вогненого бою нет. А ездят на бой против недругов своих в збруях, в куяках и в шеломах, и в наручах, и в наколенках, а у иных де у лутчих людей и лошади бывают на боех в железных доспесех и в приправах» [Там же, с. 558].

Представляется вполне логичным, что Эрдэни Дай мэргэн Нансо, демонстрируя свое богатство и влияние, мог передать в подарок царю доспехи как иностранного, так и местного производства. Если в 1636 г. в Москву был отправлен рассматриваемый шлем центрально-азиатского образца, то в 1637 г. – наголовье, выкованное маньчжурскими оружейниками (инв. № ОР-2057).

Выводы

Комплексный анализ источников позволил уточнить время изготовления и атрибуцию шлема из собрания Музеев Московского Кремля (инв. № ОР-2058). Так, в частности, не получила подтверждения версия сотрудников Оружейной палаты XIX в. о маньчжурском происхождении наголовья. Наиболее вероятно, что шлем был изготовлен монгольскими или ойратскими мастерами в конце XVI – первой трети XVII в. Теоретически отдельные изменения в конструкцию наголовья и его элементов могли вноситься до середины января 1635 г. Заказчиком шлема был знатный центрально-азиатский феодал, исповедовавший ламаизм (отсюда буддийские мантры на подвешивании и козырьке). В середине 30-х гг. XVII в. владельцем этого наголовья являлся духовный наставник хотогойтского хунтайджи лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо. На приеме 14 января 1635 г. шлем был передан российскому посланнику Я.Е. Тухачевскому в качестве подарка для царя Михаила Федоровича Романова. В 1636 г. это наголовье поступило на хранение в сокровищницу Казенного двора, откуда в 1640 г. было передано в Оружейную палату Московского Кремля. Наличие письменных свидетельств, надежно локализирующих время бытования данного шлема, позволяет использовать его в качестве эталонного образца при датировке и атрибуции боевых наголовий кочевников Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Авторы выражают благодарность научному сотруднику отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН В.П. Зайцеву за квалифицированную помощь в прочтении и интерпретации надписи на санскрите и за содействие в реконструкции имени и титула буддийского священнослужителя – дарителя шлема; а также эксперту по драгоценным металлам и камням Музеев Московского Кремля Н.В. Парменовой, установившей наличие золота и серебра на поверхности наголовья.

Список литературы

- Бобров, Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 288 с.
- Бобров Л.А., Мясников В.Ю.** Позднесредневековые шлемы из музейных собраний Республики Бурятия // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 235–244.
- Бобров Л.А., Ожередов Ю.И.** Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста: (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Т. III, вып. 1. – С. 7–64.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.** Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развития того и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – С. 66–212.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.** Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 770 с.
- Златкин И.Я.** История Джунгарского ханства: 1635–1758. – М.: Наука, 1983. – 335 с.
- Материалы** по истории русско-монгольских отношений: 1607–1636. – М.: Вост. лит., 1959. – 352 с.
- Опись** Московской Оружейной палаты. – М.: [Тип. Обва распространения полезных книг], 1884. – Ч. 3. – Кн. 2: Броня. – 312 с.
- Опись** царской казны на Казенном дворе 1640 года. – М.: Московский Кремль, 2014. – 192 с.
- Русско-китайские отношения** в XVII в.: Материалы и документы: в 2 т. – М.: Наука, 1969. – Т. I: 1608–1683. – 613 с.; 1972. – Т. II: 1686–1691. – 836 с.
- Шастина Н.П.** Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Сов. востоковедение. – 1949. – Т. VI. – С. 383–395.
- LaRocca D.** Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. – N. Y.: Yale Univ. Press, 2006. – 307 p.

Материал поступил в редколлегию 12.05.2016 г.